

УДК 378

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬНИЦЫ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1905–1908 ГОДОВ

Я.Б. Руднева

Аннотация

В начале XX в. российские женщины получили возможность полулегально обучаться в университетах. В статье на основе жизнеописаний вольнослушательниц Казанского университета рассматривается процесс адаптации российских женщин к специфике обучения в государственной высшей школе в 1905–1908 гг. Реконструкция биографий вольнослушательниц позволила установить стратегии «выживания», факторы социальной адаптации и механизмы восходящей мобильности российских женщин. Интеграция женщин в университетское пространство в качестве субъектов образовательного процесса являлась свидетельством эволюции гендерно-дифференцированной системы российского высшего образования.

Ключевые слова: гендерно-дифференцированная система высшего образования, высшие женские курсы, государственная высшая школа, вольнослушательницы, совместное обучение, Казанский университет.

Во второй половине XIX в., несмотря на активное противодействие как со стороны правительственных кругов, так и со стороны общественности, российские женщины добились права обучаться на высших женских курсах – в частных специализированных учебных заведениях, временно заполнивших «социальные «пустоты» в государственной системе высшего образования» [1, с. 98].

Вопрос о возможности обучения женщин в государственной высшей школе был решен осенью 1905 г., когда Советы российских университетов, воспользовавшись автономией, предоставленной 27 августа 1905 г. Высочайшим указом о временных правилах по управлению университетами, приняли решение о допуске к занятиям вольнослушательниц вопреки положениям действовавшего законодательства. Так началась десятилетняя история полулегального пребывания женщин в российских университетах.

В современной историографии анализ тенденций развития российской высшей школы во второй половине XIX – начале XX в. представлен в работах А.Е. Иванова, в которых освещен целый комплекс проблем этой сферы образования: организационное устройство государственных, общественных и частных высших учебных заведений [1], процесс формирования субкультуры российского студенчества [2] и т. д. Истории становления системы совместного обучения мужчин и женщин в высшей школе России посвящено исследование В.А. Веремченко [3]. Отдельным вопросам, касающимся роли и статуса женщин в Казанском университете, уделяется внимание в работах Е.В. Афоной [4],

Т.А. Биктимировой [5], Е.А. Вишленковой, С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой [6], Ю.А. Лексиной [7]. Однако первый опыт совместного обучения мужчин и женщин в Казанском университете не являлся предметом специального изучения в отечественной историографии.

Более детальное исследование периода, связанного с пребыванием в российских университетах вольнослушательниц «первой волны» (1905–1908 гг.), позволит проследить, как женщины адаптировались к обучению в государственной высшей школе и как в результате социально вынужденной инициативы отдельных индивидов происходила трансформация гендерно-дифференцированной системы российского высшего образования.

Источниками исследования послужили документы и материалы из фонда департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива (РГИА), а также 382 личных дела вольнослушательниц Казанского университета из фондов Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), 360 из которых впервые вводятся в научный оборот.

История появления вольнослушательниц в Казанском университете началась 7 октября 1905 г., когда Совет профессоров принял решение ходатайствовать перед министром народного просвещения о допуске женщин к занятиям. Несмотря на то что попечитель Казанского учебного округа А.Н. Деревницкий решительно отказался признать правомерность этого ходатайства, ссылаясь на действовавший университетский устав, женщины устремились в университет.

По сведениям профессора Н.П. Загоскина, в течение сентября и октября 1905 г. ректором университета Н.М. Любимовым было принято, зарегистрировано и передано на соответствующие факультеты 44 прошения «относительно поступления в вольнослушательницы» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 67). Наибольшей популярностью среди абитуриенток пользовался медицинский факультет, который в качестве «опыта» постановил зачислить 10 женщин, «выбрав наилучших» из числа имевших аттестат со средним баллом 4 1/2 и свидетельство о сдаче латинского языка за 8 классов мужской гимназии (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 11408. Л. 9).

В октябре 1905 г. учебный процесс был прерван в связи с закрытием российских университетов. Несмотря на прекращение занятий, «в течение остальной части 1905–1906 учебного года» поступило еще 47 прошений «относительно приема в университет в качестве вольнослушательниц». Однако руководство в лице ректора Н.М. Любимова, а затем сменивших его на этом посту А.М. Зайцева и Н.П. Загоскина отказало всем просительницам «до выяснения вопроса о допущении в университеты женщин» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 67).

В следующем 1906–1907 учебном году российская высшая школа оказалась в чрезвычайно сложной ситуации. Как отмечалось в типовом письме министерства народного просвещения ректорам высших учебных заведений, закрытие и перерыв в занятиях, «с одной стороны, лишили много студентов возможности своевременно окончить курс и задержали их выпуск, а с другой – с открытием высших учебных заведений в 1906–1907 учебном году, вызвали прилив в них массы молодежи, окончившей курс средней школы в 1904 и 1905 годах и

не имевшей возможности продолжить начатое образование»¹ (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 11442. Л. 1).

В Казанском университете в 1906–1907 учебном году на первом курсе «от 1905 года» осталось 338 студентов, к которым добавились 1527 вновь поступивших (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 11442. Л. 4). В сложном положении оказались и те, кто «считал себя вольнослушательницами в смутный 1905–1906 учебный год». Ввиду того что осенью 1906 г. для женщин в качестве условия приема был установлен «образовательный ценз не ниже среднего учебного заведения», из 44 ранее удовлетворенных прошений были признаны «подлежащими новому рассмотрению только три» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 67).

Стремление получить право на доступ к высшему образованию на равных с мужчинами вынуждало женщин активно искать приемы воздействия на администрацию университета. Применялись различные стратегии для достижения желаемого результата. Например, «личная подача прошения», в ходе которой просительница не только убеждала ректора в «крайней необходимости» своего поступления в университет и «громадном значении» этого шага «для всей последующей жизни», но и ставила его перед необходимостью давать «обещание» о зачислении на тот или иной факультет (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44085. Л. 12).

Наиболее доступным и распространенным способом являлась многократная подача прошений ректору. Например, Е.Ф. Павперова-Славина четырежды обращалась с просьбой о зачислении на медицинский факультет. Интересно, что такой внутренний служебный документ, как прошение, предназначенный для доведения до сведения должностного лица информации узкой направленности в небольшом объеме, использовался женщинами в качестве одной из потенциальных возможностей воздействия на само должностное лицо. Как правило, средством убеждения была репрезентация собственной исключительности: «Надеюсь, что Совет профессоров войдет в мое положение и отдаст мне предпочтение перед другими, – указывала в прошении ректору Казанского университета Л.З. Альштуль, – даже в случае, если в моем аттестате будет на 0,2 средний вывод меньше, чем у других. Как люди, господа профессора должны понять, что 4,1 экстерном окончившей гимназии, да еще такой, которая в то же время должна была работать в аптеке, чтобы заработать на жизнь, должна цениться выше 5 окончившей гимназию при нормальных условиях» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44264. Л. 4).

Использовались и другие способы. Например, в августе 1907 г. Белебеевская земская управа направила непосредственно на имя министра народного просвещения телеграмму с просьбой «о приеме Казанским университетом стипендиатки земства девицы Спектор окончившей семь классов Мариинской гимназии на медицинский в крайнем случае на естественный факультет» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44672. Л. 4). По указанию министерства руководство университета удовлетворило данное ходатайство, несмотря на несоответствие уровня образованности претендентки требуемому при поступлении в университет.

¹ Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация первоисточника.

Необходимо отметить, что установление точного количества вольнослушательниц российских университетов в 1905–1908 гг. представляет определенные трудности, «так как министерство народного просвещения не вело статистики вольнослушательниц, а пользовалось случайными цифрами на этот предмет, поступавшими с мест» [2, с. 120].

Нерепрезентативный характер источников, в том числе официальных, обусловил существенные расхождения статистических данных, которые приводятся в специальных исследованиях, посвященных изучению истории высшего образования в России. Так, А.Е. Иванов указывает, что общее количество вольнослушательниц в Казанском университете составило в 1906–1907 учебному году 318 человек [2, с. 120]. В.А. Верременко за аналогичный период приводит цифру почти в три раза меньшую – 113 человек [3, с. 91]. Значительно в исследованиях расходятся данные и по количественному составу вольнослушательниц на университетских факультетах.

Другая проблема состоит в том, что некоторыми исследователями количество обучавшихся по той или иной специальности женщин ошибочно трактуется как показатель мотивированного выбора профессиональной деятельности. Так, Е.В. Афонина на основе анализа таких данных пришла к выводу, что каждая шестая девушка, поступившая в Казанский университет в 1906–1907 учебном году, желала стать историком или филологом, каждая четвертая связывала свое будущее с педагогикой, а большинство мечтало о юридической карьере [4, с. 155]. Однако материалы из личных дел вольнослушательниц свидетельствуют о том, что не все женщины, стремившиеся к получению высшего образования, осознанно выбирали профиль обучения. Например, одна из вольнослушательниц последовательно в течение двух недель осеннего семестра 1906 г. подавала прошения о зачислении на все четыре имевшихся в Казанском университете факультета, в итоге остановив свой выбор на юридическом. Другая, с трудом добившись зачисления на медицинский факультет, через несколько недель вынуждена была признать, что «органически не в состоянии работать» в данной области (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44124. Л. 7).

В действительности из 128 прошений, поданных ректору Казанского университета летом – осенью 1906 г., 53 было подано на медицинский факультет. Необходимо учесть и тот факт, что многие просительницы, зная о высоком конкурсе и дополнительных требованиях на медицинском факультете, предпочли сразу указать в качестве желаемого направления обучения естественное отделение физико-математического факультета. В итоге места распределились следующим образом: юридический – 27 женщин (общее количество вольнослушателей – 47), физико-математический факультет отделение естественных наук – 44 (64), физико-математический факультет отделение математических наук – 3 (22), историко-филологический – 18 (24), медицинский – 12 (12). Еще 7 вольнослушательниц продолжили свое образование на 2, 3 и 5 курсах медицинского факультета. Дополнительный прием в вольнослушательницы осуществлялся Казанским университетом и в течение учебного года: в период с декабря 1906 по март 1907 г. было зачислено 6 человек, которые начали посещение лекций весной 1907 г.

Итак, осенью 1906 г., несмотря на неопределенность правового положения и отсутствие государственных гарантий, в Казанском университете приступили к занятиям на первом курсе 104 женщины. Около 42% из них вынуждены были заниматься по специальности, не соответствовавшей желаемой профессии. Лидером по этому показателю являлось естественное отделение физико-математического факультета, обучение на котором каждой второй вольнослушательницей рассматривалось как возможность в дальнейшем перейти на медицинский факультет.

Особую группу вольнослушательниц, зачисленных в университет осенью 1906 г., составляли женщины, пожелавшие продолжить высшее образование, начатое в европейских университетах. Всего в 1906–1907 учебном году в Казанском университете обучалось трое таких вольнослушательниц. В 1907–1908 гг. количество «заграничных» студенток на медицинском, физико-математическом и юридическом факультетах Казанского университета составило 8 человек.

Увеличение числа «падчериц России», возвратившихся из европейских университетов, чтобы продолжить образование на родине, являлось общероссийской тенденцией. «Я полагала, что учение о медицине, к чему я стремилась, – писала в прошении на имя императора Николая II студентка Бернского университета, – в состоянии будет затмить чувства мои к родине, отечеству (чего мне пришлось лишиться на несколько лет), но, увы, второе оказалось сильнее и, сидя в храме науки, где льются речи профессоров о такой интересной науке, захватывавшей все мое существо, мысль о своей родине, своем отечестве никогда меня не оставляла...» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 343. Л. 63).

Обучавшиеся за границей российские девушки, помимо ощущения одиночества «на чужбине» и тоски по родине, испытывали серьезные денежные затруднения из-за высокой стоимости обучения и проживания. Например, курс летнего семестра 1902–1903 учебного года на естественно-математическом факультете Гейдельбергского университета обошелся в 87 марок – сумму, превышающую более чем в два раза стоимость обучения на естественном отделении физико-математического факультета Казанского университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44271. Л. 13).

В течение 1906–1908 гг. 11 девушек, или 3,4% от общего числа вольнослушательниц, пожелали продолжить в Казанском университете образование, начатое за границей: 4 – из Лозаннского университета, 3 – из Цюрихского, а также по одной студентке из Бернского, Льежского, Гейдельбергского и Вюртенбергского университетов. Интересно, что О.А. Аносова, окончившая медицинский факультет Казанского университета, до поступления в университет прослушала два семестра 1901–1902 гг. на философском факультете Сорбонны, зимний семестр 1902–1903 гг. – на философском факультете Венского университета, летний семестр 1902–1903 гг. – на естественно-математическом факультете Гейдельбергского университета. Из 11 «заграничных» студенток, продолживших образование в Казанском университете, 4 (36%) прослушали полный курс: 3 – на медицинском факультете, 1 – на естественном отделении физико-математического факультета.

Обучение в университете потребовало от женщин не только «массы энергии и здоровья», но и готовности «довести свои потребности до минимума и

терпеть лишения в настоящем, надеясь на лучшее будущее» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 109). Дело в том, что перед вольнослушательницами возникал целый ряд проблем, связанных с денежными расходами. Например, обучение на первом курсе историко-филологического факультета Казанского университета в 1906–1907 учебном году обходилось в среднем от 30 до 37 рублей, на юридическом – от 36 до 40 рублей. На естественном отделении физико-математического факультета оплата в год составляла от 42 рублей и выше, на математическом – от 30 до 34 рублей. На медицинском факультете первый год обучения требовал затрат в размере 36 рублей, а второй – уже 45. Вольнослушательницы могли посещать по собственному усмотрению за отдельную плату дополнительные занятия.

С каждым курсом объем учебной нагрузки увеличивался, соответственно, увеличивалась и стоимость обучения. Оплачивались не только посещаемые в течение семестра занятия, обязательно нужно было сделать взнос в пользу университета в размере 25 рублей. Наименование учебных дисциплин, количество часов и стоимость обучения фиксировались в начале учебного года в подписном листе. Отсутствие в канцелярии подписного листа с отметкой о своевременной оплате влекло за собой немедленное исключение из числа вольнослушательниц. «Записавшись на лекции 26 сентября и внесши плату в пользу университета и гонорар 7 октября 1907 г., – вспоминала вольнослушательница первого курса физико-математического факультета З. Гончарова, – я отдала подписной лист в канцелярию со студенческим делом. На другой день, желая записаться на лекции по анатомии и кристаллографии, я взяла подписной лист для подписи декану и внесения гонорара. В то время как лист с записью на лекции находился у меня, произошла проверка подписных листов и, так как моего листа не оказалось в канцелярии, то я и была исключена» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44364. Л. 10).

Финансовые и бытовые проблемы, связанные с обучением в университете, решались каждой из вольнослушательниц самостоятельно в зависимости от индивидуальных возможностей. Достаточно высокий процент от общего количества составляли женщины, находящиеся на иждивении родителей или мужа. Однако встречались случаи, когда семья становилась препятствием к достижению поставленной цели. Так, одна из девушек, подавая прошение о зачислении в университет, отмечала: «Благодаря семейным обстоятельствам я могу начать учиться только в настоящий 1906 год и вот почему: у меня есть мои собственные 500 р. С ними я и могу начать учиться, пробыв же еще год в семье, мне придется истратить эти деньги на семью, и тогда надежда поступить в высшее учебное заведение у меня почти теряется» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44080. Л. 2). Нередкими были случаи ухода из университета в связи с замужеством.

Особенно тяжело приходилось тем женщинам, которые были лишены материальной поддержки со стороны семьи и содержали себя самостоятельно. Невозможность совмещения полноценного обучения в университете и профессиональной деятельности часто вынуждала их оставлять «хорошие места» и вести полуничтоженское существование, подрабатывая в каникулярное время.

Дополнительным источником дохода служили стипендии. Однако в Казанском университете количество стипендиаток-женщин было незначительным: в 1906–1908 гг. менее 2% вольнослушательниц получали стипендии. Суммы стипендий были различными и, как правило, они выделялись земствами, которые «остро нуждались в высококвалифицированных педагогах, медицинских работниках» независимо от их половой принадлежности, а «женщины-специалисты с успехом могли заполнить образовавшийся вакуум» [2, с. 119]. Например, вольнослушательнице А.И. Харюшиной Сарапульское земство выделило стипендию в размере 270 рублей в год с правом использования стипендиального фонда в течение пяти лет и при условии обязательного обучения на медицинском факультете. Получала стипендию в размере 120 рублей в течение осеннего семестра 1907 г. вольнослушательница юридического факультета М.П. Козлова с условием последующей пятилетней земской службы в Мензелинском уезде. Ежегодную стоимость обучения вольнослушательницы Д.Ф. Спектор оплачивала Белебеевская земская управа. Наконец, зафиксирован случай получения частной стипендии, обладательницей которой на третьем году обучения стала вольнослушательница физико-математического факультета С.У. Штейнберг.

Материальные и бытовые трудности вольнослушательниц российских университетов усугублялись их бесправным положением. 1 августа 1907 г. появилось циркулярное письмо министерства народного просвещения за № 16023, запретившее преподавателям принимать у вольнослушательниц экзамены и зачеты «как на равных правах со студентами университета, так и под видом частных испытаний» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 68). Несмотря на запрет, полукурсовые испытания вольнослушательниц Казанского университета проводились вплоть до мая 1908 года.

Накануне нового 1907–1908 учебного года администрация Казанского университета была озабочена решением двух основных проблем, возникших в связи с резким увеличением количества желающих обучаться. Во-первых, необходимо было найти аудитории, вмещавшие 300–500 человек. Во-вторых, установить «максимальный комплект для вновь поступающих студентов». Советами факультетов было установлено следующее количество мест: юридический – 500, медицинский – 220, физико-математический факультет отделение естественных наук – 300, физико-математический факультет отделение математических наук – 150, историко-филологический – 275 (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 11442. Л. 34 об.). Вопрос распределения мест в соответствии с половой принадлежностью абитуриентов факультетами не ставился. Единственным факультетом, который квотировал места для женщин, был медицинский.

Среди 205 вольнослушательниц, поступивших в университет осенью 1907 г., места на факультетах распределились следующим образом: юридический – 43, медицинский – 6, физико-математический факультет отделение естественных наук – 90, физико-математический факультет отделение математических наук – 8, историко-филологический – 58 (подсчитано по (Сп. студ.)).

Несмотря на прекращение 22 августа 1907 г. приема на медицинский факультет в связи с отсутствием вакансий, из 245 женщин, подававших прошения, более 40% вновь заявили о намерении получить медицинское образование. Надеясь на возможность последующего перевода, они устремились на естественное

отделение физико-математического факультета и быстро заполнили свободные места. Факультет, не справляясь с наплывом желающих, принял решение зачислять вольнослушательниц сразу на второй курс с условием прохождения программы первых двух семестров в течение следующего учебного года. Однако эта мера лишь отчасти решила проблему. В итоге были составлены списки кандидатов для поступления на физико-математический факультет, временно распределенных на юридический и историко-филологический факультеты: 14 и 18 вольнослушательниц соответственно. В течение учебного года им гарантировался перевод при условии соответствия конкурсным требованиям.

За места, освободившиеся на медицинском и физико-математическом факультетах, между женщинами велась жесткая конкурентная борьба. «Вместо меня была принята одна из вольнослушательниц естественного факультета Порфирьева, – в третий раз обращаясь к ректору, писала М.Г. Войдинова, – которая не подавала прошение на медицинский факультет в августе 1906 года и аттестат которой со средним выводом 4, то есть меньше, чем средний вывод моего аттестата. Я ничего не имею против того, чтобы Порфирьева была слушательницей медицинского факультета, но я хочу, чтобы и со мной поступили справедливо, что вполне естественно, так как где же еще искать справедливости, как не в университете» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44013. Л. 9).

Ситуация, связанная с приемом вольнослушательниц на физико-математический факультет, усугубилась осенью 1907 года в связи с обращением Совета факультета к попечителю с просьбой ходатайствовать перед министром народного просвещения о включении в число вольнослушательниц первого семестра отделения естественных наук «сверх комплекта»: «А. Вацуро – жены приват-доцента университета, Н.К. Янишевской – дочери бывшего профессора университета и К.М. Кандаратской – дочери профессора... факультет полагает, что они имеют большее, сравнительно с другими, право быть принятыми в университет, как жены и дочери служивших или служащих в университете лиц и отдающих университету свои силы...» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 365. Л. 145).

Правовое положение вольнослушательниц определилось 16 мая 1908 г. с появлением циркулярного предложения департамента народного просвещения, пре-секавшего возможность обучения женщин в университетах. В ответ на многочисленные прошения бывших вольнослушательниц и ходатайства Советов профессоров российских университетов, направляемых в министерство народного просвещения и лично императору Николаю II в мае – сентябре 1908 г., следовал отказ.

«Выброшенные за борт» вольнослушательницы попали в крайне тяжелую ситуацию. Во-первых, многие из них, надеясь на отмену циркуляра, опоздали к началу нового учебного года с подачей прошений на высшие женские курсы. Во-вторых, согласно уставу курсов при зачислении не учитывалось ранее полученное высшее образование, поэтому два года, проведенные в университете, фактически оказывались бесполезно потраченным временем. Наконец, часть вольнослушательниц составляли выпускницы высших женских курсов.

В сентябре 1908 г. положение вольнослушательниц по-прежнему оставалось неопределенным. 3 октября 1908 г. жена сотрудника Казанского университета

М.А. Илговская от «имени представительниц казанских вольнослушательниц» направила в адрес министерства народного просвещения телеграмму с требованием «прислать ректору Казанского университета соответствующие инструкции» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 7), официально определяющие правовое положение вольнослушательниц. Наконец 29 октября 1908 года Высочайшим повелением вольнослушательницам было разрешено окончить курс образования. Однако к тому времени большинство из них уже покинули университет, уверенные в том, что «вследствие циркуляра от министра народного просвещения пребывание в университете не имеет решительно никакого смысла» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44419. Л. 8).

Оставшимся в российских университетах вольнослушательницам, по-прежнему лишенным каких-либо прав и «возможности держать переходные экзамены», все-таки удалось получить высшее образование. Например, Штейнберг София Ульриховна прослушала полный курс сразу на двух факультетах Казанского университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44751. Л. 25). Поступив в университет осенью 1907 г. на отделение естественных наук физико-математического факультета, она по собственной инициативе дополнительно начала посещать лекции и практические занятия на медицинском факультете, официально на нем не числясь ввиду отсутствия вакансий. Необходимо отметить, что образовательный процесс на протяжении четырех лет вольнослушательница София Штейнберг совмещала с государственной службой в качестве «женщины – почтово-телеграфного чиновника IV разряда» Казанской телефонной сети. Кроме того, ее два раза отчисляли из университета: в марте 1908 г. – за отсутствие оплаты, 16 мая 1908 г. – в связи с появлением циркуляра. В итоге, прослушав с 1907 по 1911 гг. полный курс естественного отделения физико-математического факультета, она по личному ходатайству на имя министра народного просвещения в феврале 1912 г. получила разрешение на перевод с физико-математического факультета на медицинский, который и окончила весной 1913 г. с выпускным свидетельством.

Из 322 вольнослушательниц, поступивших в Казанский университет в 1906–1908 гг., получили выпускные свидетельства 48. Наибольшее количество выпускниц дал медицинский факультет – 20, историко-филологический не удалось окончить ни одной из 76 обучавшихся женщин. 10 вольнослушательниц прослушали полный курс на юридическом факультете, 16 – на естественном отделении физико-математического факультета, 2 – на математическом отделении (НА РТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг.).

Итак, появление женщин в университетском пространстве в качестве субъектов образовательного процесса было вызвано желанием «померяться с мужчиной, исполнять его обязанности и пользоваться равными правами» [3, с. 13] и свидетельствовало об эволюции представлений о социальном предназначении полов. Вместе с тем в биографиях первых вольнослушательниц российских университетов «ярко выступает спектр и пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного исторического контекста с характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий» [8, с. 346]. Осознавая себя «пионерками женского университетского образования», «небольшой, но лучшей частью женской молодежи» (РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 126),

они продемонстрировали способность к выживанию в условиях полного отсутствия прав и государственных гарантий как неперенных атрибутов гендерно-дифференцированной системы российского высшего образования начала XX в. Таким образом, обращение к биографическим сюжетам, отражающим процесс адаптации женщин к обучению в российских университетах, позволяет выявить социальный контекст рассматриваемого периода в истории развития отечественной высшей школы.

Summary

Ya.B. Rudneva. Female Lecture-Goers of Kazan University in 1905–1908.

At the beginning of the 20th century Russian women got an opportunity to study half-legally at universities. On the basis of the biographies of female lecture-goers of Kazan University the article considers the process of Russian women's adaptation to the specific character of co-education in state higher education institutions in 1905–1908. Reconstruction of the female lecture-goers' biographies allowed us to set up the "survival" strategies, the factors of social adaptation and the mechanisms of growing mobility of Russian women. Integration of women into a university space as subjects of educational process testified the evolution of gender-differentiated system in Russian higher education.

Key words: gender-differentiated system of higher education, higher female courses, state higher school, female lecture-goers, co-education, Kazan University.

Источники

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733 (Департамент народного просвещения).

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 977 (Казанский университет).

Сп. студ. – Список студентов, посторонних слушателей и слушательниц, а также учениц Повивального института императорского Казанского университета на 1907–1908 уч. г. – Казань, 1908. – 284 с.

Литература

1. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.
2. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: РОССПЭН, 1999. – 414 с.
3. *Веремько В.А.* Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX вв.). – СПб.: Изд-во Высш. админ. шк., 2004. – 148 с.
4. *Афонина Е.В.* Высшее женское образование в Казани (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002. – 190 с.
5. *Биктимирова Т. А.* Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 184 с.
6. *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 498 с.
7. *Лексина Ю.А.* Женщины в Казанском университете. – URL: <http://isold.ksu.ru/zhurnal/i11042.htm>, свободный

8. *Ретина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 344–359.

Поступила в редакцию
15.12.09

Руднева Яна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского торгово-технологического института.

E-mail: ya.rudneva@rambler.ru